

ФИЛОСОФСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

С.Л. Фокин

РЕНЕ ДЕКАРТ И УЧЕНЫЕ ЖЕНЫ: ОПАСНЫЕ СВЯЗИ*

Фокин Сергей Леонидович – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой романо-германской филологии и перевода. Санкт-Петербургский государственный экономический университет. Российская Федерация, 191023, г. Санкт-Петербург, Москательный пер., д. 4; e-mail: serge.fokine@yandex.ru

Главная задача настоящей работы заключается в том, чтобы представить историческую картину тех отношений с читательской аудиторией, которые стал формировать Рене Декарт с момента публикации «Рассуждения о методе», обращенного не столько к докторам Сорбонны, педантам, схоластам и теологам, сколько к изощренным умам, наделенным «естественным светом разума», в том числе к «ученым женам». Следуя методу «истории идей», предполагающему повышенное внимание к историческому, культурному и политическому контекстам эпохи, автор устанавливает те связи, которые философ поддерживал с различными литературными институтами первой половины XVII столетия – от Французской академии, призванной регулировать «благое употребление» французского языка, до литературных салонов, где устанавливались каноны «хорошего вкуса». При этом указывается, что сам Декарт потворствовал известным слабостям прекрасного пола, в частности развитому вкусу к изящным искусствам и свободным наукам, который получил распространение в так называемой салонной культуре, а также в прециозной и галантной словесности классического века. В работе устанавливается, что обращенность к женской аудитории образует один из прагматических аспектов текста Декарта, который соотносится с доктриной галантности великого века. Определяя круг общения философа с учеными женами, автор делает упор на переписке Декарта, которая не только представляла собой своеобразный образец эпистолярного жанра, но и явилась оригинальным инструментом философского мышления. Именно повышенное внимание к читательской аудитории, в частности к ученым женам, ставит автора «Рассуждения о методе» в один ряд с законодателями литературного вкуса эпохи и подтверждает то культурное обстоятельство, что философ не мог не разделять главной заботы писателя XVII столетия – «писать, чтобы нравиться».

Ключевые слова: Декарт, французская словесность XVII века, философия и литература, салонная культура, галантность, прециозность, эпистолярный жанр

Для цитирования: Фокин С.Л. Рене Декарт и ученые жены: опасные связи // Философский журнал / Philosophy Journal. 2019. Т. 12. № 2. С. 103–116.

* Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ, проект «Рене Декарт и моральная философия: метафизика, политика, теология и этика в переписке философа с принцессой Елизаветой Богемской, королевой Швеции Кристиной и несколькими современниками», № 17–03–50205, тип проекта «а(ф)».

22 февраля 1638 года Р. Декарт (1596–1650), незадолго до этого опубликовавший «Рассуждение о методе» (1637), манифест новой философии, заключавший в себе своеобразную интеллектуальную автобиографию мыслителя, писал отцу-иезуиту А. Ватье (1591–1659), пытаясь оправдать темноту доказательств существования Бога в своем сочинении, которую не преминул отметить в отзыве на него ревнивый теолог:

Это правда, что я был слишком темен в том, что писал о существовании Бога в сем трактате о «Метод», и хотя речь идет о самой важной части, признаю, что она была наименее разработана во всем произведении; что частично объясняется тем, что я решился ее присовокупить к нему лишь под конец и когда книгопродавец меня торопил. Но главная причина сей темноты в том, что я не осмелился ни распространяться о доводах скептиков, ни высказать все необходимые вещи *ad abducendam mentem a sensibus* <...>: и такого рода мысли не показались пригодными для того, чтобы вложить их в книгу, в которой, как мне хотелось, даже женщины могли что-нибудь понять, и где, тем не менее, самые изощренные умы нашли бы достаточно материи, чтобы занять свое внимание¹.

Таким образом, приведенный эпистолярный фрагмент свидетельствует в предельной смысловой перспективе, что в определенный момент в мысли философа доказательство существования Божьего могло оказаться на одной чаше весов со знаком внимания к женской аудитории. При этом необходимо уточнить, что это признание следует воспринимать не столько в регистре оправдания или покаяния мыслителя перед авторитетом вышестоящей религиозной инстанции, сколько как указание на определенный прагматический аспект текста «Рассуждения о методе», обращенного, в частности, к женской читательской аудитории. Более того, если вникнуть в то, как философ объяснял оппоненту, почему он был столь маловразумителен относительно существования Божьего, то возникает предположение, что Декарт сознательно предпочел быть понятым скорее женщинами, чем богословами, что в своем методе, то есть в своем пути, мыслитель шел скорее в направлении женщин, чем в направлении философов. В сущности, именно на это обстоятельство в свое время обращал внимание автор классической биографии философа А. Байе (1649–1706), полагая, что благорасположенность Декарта к женщинам диктовалась, среди прочего, тем обстоятельством, что образованные женщины были далеки от схоластической науки, ученого педантизма и сугубо книжного знания:

Господин Декарт говорил одному из своих друзей, что в области Философии он находил, что Дамы, с которыми он беседовал по этому предмету, были более мягкими, более внимательными, более покладистыми, одним словом, более свободными от предрассудков и лжеучений, чем многие мужи².

Однако необходимо сразу подчеркнуть, что повышенное внимание философа к женской аудитории не сводится к гендерному аспекту, но вписывается в более сложную авторскую стратегию Декарта, нацеленную на то, чтобы противопоставить новую философию традиционным формам научного знания, восходящим к классической античности, средневековой схоластике

¹ *Descartes R. Œuvres complètes. T. VIII: Correspondance 1. Paris, 2013. P. 574–575.* Здесь и далее все переводы с французского, включая цитаты из сочинений, существующих в канонических русских переводах, сделаны автором статьи.

² *Baillet A. Vie de Monsieur Descartes. T. 2. Hildesheim; N. Y., 1972. P. 230.*

и ренессансному гуманизму. Не приходится сомневаться, что одной из главных движущих сил этой философской революции стало решение Декарта написать и опубликовать манифест новой философии не на латыни, языке своих наставников – математиков, теологов и философов, а на французском простонародном языке – языке поэтов, литературных салонов и царящих в них образованных женщин или, если вспомнить название одной из самых злободневных комедий Мольера (1622–1673), «ученых жен». Об историческом значении этого лингвистического и эпистемологического переворота во французской философии наглядно свидетельствуют знаменитые «эпистолярные романы» Декарта с «учеными женами» королевских кровей – принцессой Богемии Елизаветой (1618–1680) и королевой Швеции Кристиной (1626–1689). По словам А. Бадью, в этом повороте Декарта в сторону прекрасной половины человечества определяется одна из самых характерных черт всей новейшей французской философии:

В этом ключевом моменте с принцессами заключается стихийная демократическая интенция, разворачивающая философское рассуждение к беседе и обольщению, скорее к Венере, нежели к Минерве и освобождающая его, насколько это возможно, от оков академизма или сциентизма. И эту интенцию будут подчеркивать все знаменитые французские философы <...> Все они желают быть услышанными женщинами, все хотят снискать их восхищение, понимая, что за женщинами ухаживают не на латыни, равно как и не на языке педантов³.

Таким образом, главная цель настоящей работы заключается в том, чтобы представить историческую картину тех отношений с читательской аудиторией, которые стал формировать Рене Декарт с момента сочинения и публикации «Рассуждения о методе», обращенного не столько к докторам Сорбонны, педантам, схоластам и теологам, сколько к изощренным умам, наделенным «естественным светом разума», в том числе к «ученым женам». В ходе достижения этой цели мы последовательно ставим и пытаемся решить ряд исследовательских задач: во-первых, нам важно понять, какие интеллектуальные ставки мог подразумевать сам жест философа, принимающего решение писать на французском языке; во-вторых, следует более пристально, нежели это обычно делается в традиционных историко-философских исследованиях, взглянуть на тот пейзаж литературного Парижа первой половины XVII века, в частности, в таких его культурно-исторических константах, как классицизм и барокко, салоны и либертинаж, галантность и прециозность, с которыми так или иначе была связана мысль Декарта; в-третьих, наконец, необходимо рассмотреть, хотя бы в самых общих чертах, основные характеристики эпистолярного жанра, который был не только одной из главенствующих литературных форм эпохи французского классицизма, не только основным средством общения философа с упомянутыми венценосными учеными женами, но и оригинальным инструментом новой философии, устремленной к тому, чтобы освободиться от пут педантизма, схоластики, сциентизма.

³ Badiou A. De la langue française comme évidemment // Vocabulaire européen des philosophies. Paris, 2004. P. 466–467.

Что значит писать философию на французском языке?

Чтобы убедиться в том, что обращенностью к ученым женам не исчерпывается прагматический аспект «Рассуждения о методе», достаточно будет сопоставить приведенное выше эпистолярное суждение Декарта о внимании к женской читательской аудитории с тем пассажем из манифеста новой философии, где он сам объясняет, почему он пишет его на французском, а не на латыни:

И если я пишу на французском, языке моей страны, а не на латыни, языке моих наставников, то причина в том, что я надеюсь, что те, кто пользуются лишь своим естественным разумом, во всей его чистоте, будут судить лучше о моих мнениях, нежели те, кто верят лишь древним книгам. Ну а те, кто соединяют здравый смысл с ученостью, в коих только я и желаю видеть своих судей, не будут, убеждаю я себя, столь привержены латыни, чтобы отказать услышать мои доводы из-за того, что я их разъясняю на простонародном языке⁴.

Таким образом, если направленность на ученых жен подтверждается этим пассажем «Рассуждения о методе», где «те, кто верит лишь древним книгам», читай: педанты, схоласты, теологи, противопоставляются тем, «кто соединяет здравый смысл с ученостью», в число которых входят, разумеется, ученые жены, то оными явно не исчерпывается круг читателей, которых Декарт хотел бы видеть судьями своего сочинения. Иными словами, необходимо подчеркнуть, что, когда в 1637 году Декарт решает писать и публиковать «Рассуждение о методе» на французском языке, им движет не только забота о женской аудитории: философ не мог не сознавать, что такого рода воля к родному языку не лишена определенных политических притязаний, прежде всего по той причине, что в ней говорило желание по-прежнему с прежней формой учености.

Действительно, в чисто лингвистическом, на первый взгляд, жесте философа можно обнаружить целое созвездие самых разных смыслов: одни будут скорее биографическими, другие политическими, третьи религиозными, четвертые институциональными, пятые литературными, хотя все они сходятся под знаком ответственного решения говорить то, о чем молчала современная философия. Мы не будем вдаваться здесь в детальное рассмотрение всех притязаний, которые могли присутствовать в сознании и бессознательном автора «Рассуждения о методе», решающего писать свой текст на простонародном, родном, французском языке – языке естественном, национальном, государственном⁵. Укажем лишь на самые общие смысловые направления, в перспективе которых жест Декарта может приобрести более определенную семантическую наполненность.

Во-первых, здесь необходимо принимать во внимание все те запутанные интриги, которые могли связывать жест философа с его биографией,

⁴ *Descartes R. Œuvres complètes. T. III: Discours de la méthode et Essais. Paris, 2009. P. 133.*

⁵ Наиболее обстоятельно проблема выбора французского языка языком философии рассмотрена в двух этюдах Ж. Деррида (1930–2004), включенных в книгу «От права к философии» (1990): *Derrida J. S'il y a lieu du traduire. La philosophie dans sa langue nationale (vers une «litterature en français»)* // *Derrida J. Du droit la philosophie. Paris, 1990. P. 283–310; Idem. Les romans de Descartes ou l'économie des mots* // *Ibid. P. 311–342.* Более широкий культурный контекст см. также: *Magnard P. La langue de la philosophie, du latin au français* // *Philosopher en français. Paris, 2001. P. 283–296.*

с его личным отношением к французскому языку и Франции: в этом смысле совсем небезразлично, что Декарт, выбирая языком новой философии французский, уже давно оставил родные края, решив обосноваться в Голландии, чтобы именно там, на чужбине, завершить свой провокационный манифест, опубликованный анонимно. Как если бы именно отсутствие отчизны, острое или, наоборот, глухое ощущение беспочвенности и утраты дара речи на родном языке было необходимым условием мысленного возвращения философа в лоно страны своих первых слов и снов. И хотя вопрос о том, в какой мере Декарт владел нидерландским языком, до сих пор остается дискуссионным, следует полагать, что он наверняка его понимал, но вряд ли свободно говорил, общаясь с учеными на латыни и обходясь в быту с домо-чадцами каким-то лексическим минимумом: примечательно, что свою дочь, которую он прижил в Амстердаме со служанкой Элен, философ назвал ностальгическим именем Франсина⁶. Таким образом, философия на французском языке означала утверждение философии на национальном языке – в противовес космополитической, универсальной латыни. Однако это утверждение исключало даже тень «философского национализма» постольку, поскольку новая французская философия была родом из чужбины, учреждая инородный, чужестранный и страннический характер свободного отправления мысли.

В этом отношении не следует забывать также о том, что вероятная «*mal du pays*», тоска по родине, могла переплетаться в мыслях философа с фантазматической болью за чахоточную мать, которой он не знал, поскольку она тихо ушла из жизни в скором времени после его появления на свет. В одном из этюдов о Декарте французский поэт П. Валери (1870–1945) многозначительно замечал, цитируя самую авторитетную биографию философа, что «...он унаследовал “от нее сухой кашель и бледный цвет лица, который сохранял до двадцати лет”. Врачи считали, что он умрет молодым»⁷. Словом, выбор в пользу французского, родного, материнского языка мог диктоваться разнохарактерной признательностью или просто бесповоротным признанием тех сомнительных, двусмысленных связей с матерью, родным языком и родиной, которая в действительности скорее отторгала философа, принуждая его искать лучшей доли и большей воли на чужбине.

Во-вторых, важно не упустить из виду того обстоятельства, что, уходя от латыни, от языка иезуитов-наставников, от языка Отца, ибо именно властью отца он был отдан к ним в обучение, Декарт так или иначе ставил свою философию как бы вне отцовского авторитета, вне власти, вне закона. Ж. Деррида заметил по этому поводу:

Для Декарта, который потерял мать, когда ему был год, это был язык пра-материнский (он был воспитан бабушкой), который он противопоставляет языку своих наставников; это они ему навязывали закон знания и, попросту говоря, закон на латыни. Язык закона, поскольку это латынь, язык Отца, если угодно, язык науки и школы, язык не домашний, а главное – язык права⁸.

⁶ Различные точки зрения на этот биографический эпизод, вступающий в противоречие с легендой о философе-холостяке, чуждом страстей души и тела, см. в новейшем жизнеописании Декарта, принадлежащем перу авторитетного историка и главного хранителя Национального архива Франции Ф. Хиндельхаймера: *Hildesheimer F. Monsieur Descartes ou La Fable de la Raison*. Paris, 2010.

⁷ *Valéry P. Une vue de Descartes // Valéry P. Œuvres complètes*. Т. 1. Paris, 1957. P. 810.

⁸ *Derrida J. S'il y a lieu du traduire*. P. 290–291.

Таким образом, выбирая французский язык языком философии, Декарт выводит свою мысль в некое внеправовое, внешкольное и безотцовское пространство, учреждая в нем новую философию как возможность свободы жить своим умом, собственным разумом.

В-третьих, здесь следовало бы коснуться вопроса о том, в какой мере выбор французского и отказ от латыни были продиктованы историческим событием, всколыхнувшим весь интеллектуальный мир Европы, – судом над Г. Галилеем (1564–1642), состоявшимся в 1633 году и заставившим Декарта отказаться от публикации метафизического трактата «Мир», основанного на галилеевской картине мира. Строго говоря, переводя философию с латыни на французский, Декарт не только уходил от инстанции папского суда – он уходил от приговора к молчанию, на которое был обречен итальянский философ. Более того, переводя философию на французский, Декарт не просто уклонялся от языка религиозной власти, господствовавшего в мире учености и постоянно угрожавшего последнему принуждением к безмолвию. Он искал вместе с тем возможности учредить власть философии в новом языковом пространстве, которое обладало большей естественностью, если не свободой, нежели схоластическая латынь. Таким образом, несмотря на то, что последовавшие за «Рассуждением о методе» «Метафизические медитации» (1641) и «Первоначала философии» (1644) были написаны на латыни и потому обращены более к ученому миру, следует признать, что использование французского в первом сочинении отвечало определенной авторской стратегии: «Когда Декарт хочет убедиться в структуральной строгости своих рассуждений, он возвращается к философской латыни; когда он идет сквозь индивидуальный опыт на поиски своего «я», он предпочитает писать по-французски. Именно здесь играет гений языка. Философствовать на французском значит придавать рефлексии определенную ориентацию: а именно ту, что позволила бы охватить все изгибы живого “я”»⁹. Не приходится удивляться поэтому, что революция, совершенная Декартом в метафизике, революция, одной из главных движущих сил которой стала своеобразная диалектика латыни и французского, вылившаяся в конечном итоге в «лингвистический переворот» и преодоление, или «снятие», латыни как языка философии, как языка власти в философии, не осталась без внимания папской курии: сочинения философа были запрещены Ватиканом 20 ноября 1663 года.

В-четвертых, выбор в пользу родного, или материнского, наречия необходимо воспринимать в свете такого значительного для политической истории французского языка культурного события, как создание, за три года до появления «Рассуждения о методе», Французской академии (1634), главная задача которой заключалась в абсолютизации использования французского языка в культурной, литературной и научной жизни, где с эпохи ренессансного гуманизма доминировала латынь¹⁰. Академия становится главным инструментом в государственной политике французского языка, согласно 24й статье устава, утвержденного королем в 1635 году: «Главная функция Академии будет в том, чтобы со всем тщанием и наивозможнейшим старанием разрабатывать для нашего языка определенные правила, сделав его чистым, красноречивым и способным трактовать об искусствах и науках»¹¹. Таким образом, выбирая язык Французской академии, Декарт волей-неволей

⁹ Magnard P. La langue de la philosophie. P. 294.

¹⁰ Murray T. L'Académie française// De la littérature française. Paris, 1993. P. 259–264.

¹¹ Цит. по: Brunot F. Histoire de la langue française, des origines à nos jours. T. 3. Paris, 1966. P. 35.

вписывал свое философское начинание в исполнение того государственного задания на создание своей, доморощенной, французской, государственной, национальной философии, которое неоднократно и недвусмысленно формулировалось в кулуарах королевской власти еще с середины 16-го столетия. Вместе с тем, говоря о том, что французский язык «Рассуждения о методе» был ответом на запрос, призыв или вызов политической власти, не стоит перегибать палки и искать в жесте философа проявление некоего интеллектуального сервизма: мало того что он пишет «Рассуждение о методе» за пределами отчизны, так или иначе поставив себя вне формальной юрисдикции французской монархии, сам склад личности Декарта исключает всякую возможность подобного коленопреклоненного выбора, не говоря уже о том духе абсолютной свободы, которым дышала вся его философия. Действительно, абсолютная власть, к утверждению которой тяготел сначала режим кардинала Ришелье (1584–1642), а затем Людовика XIV (1638–1715), не может обойти своим вниманием той формы абсолютного знания, которой хочет быть философия: власть не может обойти своим вниманием философию, особенно если последняя хочет власти, мыслит себя как волю индивида к абсолютной власти, начиная с власти над самим собой. Таким образом, не будет большого преувеличения, если мы скажем, что легендарное изречение Людовика «Государство – это я» можно рассматривать всего лишь как удачную парافразу *cogito ergo sum* Декарта, особенно если учесть, с какой ревностью относился монарх к утверждению картезианства в виде доминирующей интеллектуальной моды в парижских салонах классического века¹².

В-пятых, рассматривая этот основополагающий выбор философа в пользу письма на французском языке, невозможно обойти молчанием хитроумные уловки Декарта-писателя, который с превеликим знанием дела формирует своего читателя. Здесь имеется в виду не только открытое обращение философа к людям, наделенным «здравым смыслом», но и не столь очевидные заигрывания с другой, прекрасной половиной читательского мира. Разумеется, речь идет о тех самых ученых женах, начинавших тогда приобретать столь заметный вес в культурно-политическом мире Франции, так что не проходит и трех десятилетий после публикации текста Декарта, как другой кудесник французского языка, господин де Мольер, пишет и ставит на парижской сцене злободневные и необыкновенно яркие комедии, в которых считает уместным и необходимым поставить под вопрос эту новую инстанцию символической власти и хорошего вкуса в литературной жизни XVII века. В этом отношении необходимо уточнить, что эпистолярные романы, связавшие Декарта с двумя выдающимися «учеными прелестницами» великого века, были не столько обусловлены более или менее случайными биографическими обстоятельствами, сколько отвечали самому духу времени, точнее говоря, той тенденции европейской культуры, которая отражала и выражала проникновение избранных кругов образованных женщин в мир изящной словесности, науки, теологии и философии¹³.

¹² «Нетрудно понять, в каком свете Людовик XIV мог воспринимать картезианцев: как людей способных еще больше нарушить целостность государства, усиливая позиции яansenистов и кальвинистов» (*Azouvi F. Descartes et la France. Histoire d'une passion nationale. Paris, 2002. P. 28*).

¹³ *Timmermans L. L'Accès des femmes à la culture sous l'ancien régime. Paris, 2005*. Представляя широкую панораму последовательной феминизации культуры в классический век, автор, как нам думается, не совсем верно оценивает роль картезианства в этом процессе (см., в частности, р. 381–382). В новейших исследованиях этих сложных, если не деликатных,

Под сенью «ученых девушек» в цвету

В статье «Декарт и женщины», опубликованной в 1999 году Ж. Родис-Левис (1918–2004), профессором Сорбонны, основательницей международного центра «Картезианских исследований» (1981), одной из самых авторитетных французских специалисток по творчеству Декарту, приводится целый ряд свидетельств постоянного и все время крепнущего внимания философа к ученым женам¹⁴. Действительно, весной 1637 года, едва завершив «Рассуждение о методе», Декарт поспешил отправить два экземпляра рукописи К. Гюйгенсу (1596–1687), указав, что они предназначаются также его супруге и сестре, замечания которых он ценил гораздо больше, нежели мнения «многих философов», которые зачастую «по искусству своему» отзываются о книгах дурно¹⁵. Очевидно, что в этом пассаже Декарт следует уже знакомой нам логике предпочтения, отдаваемого здравому смыслу и естественному свету разума, коими женщины наделены в равной мере с мужчинами, чем противопоставлял ученых жен педантам и схоластам

Вместе с тем, говоря о характере взаимоотношений философа с учеными женами, следует отметить, что сам Декарт потворствовал известным слабостям прекрасного пола, в частности развитому вкусу к изящным искусствам и свободным наукам, который получил распространение в так называемой салонной культуре, прециозной словесности и галантной литературе во Франции XVII века¹⁶. Строго говоря, речь идет о тех культурно-исторических константах, которые, вкупе с некоторыми другими элементами, составляли довольно сложную, подвижную и расплывчатую семантическую констелляцию, где весь построенный по правилам, размеренный, рассудочный, светлый духом классицизм, выступающий в виде господствующего стиля эпохи, двоялся и дробился в более изощренной эстетике барокко, так или иначе тяготевавшей к чрезмерности, безрассудству, темным далям; где придворная культура, устремленная к идеалам воинства, мужественности, силы, провоцировала сопротивление салонной субкультуры, преимущественно женской, в которой прекрасный пол отыгрывался на придворных мужланах, противопоставляя двору культ светской изысканности, утонченности, вычурности, словом, прециозности, распространявшийся на манеру вести себя, одеваться, беседовать, писать; где, наконец, сильный пол, словно отзываясь на эту интеллектуальную провокацию, искал себя в маньеристских формах галантной поэзии или предосудительных фигурах интеллектуально-экзистенциального либертинажа. Разумеется, границы между этими тенденциями литературной жизни

материй вопрос о связях картезианства и феминизма ставится напрямую: *Pellegrin M.-F., Lotterie F. Le cartésianisme est-il un féminisme? Autour de Poullain de La Barre. Entretien avec Marie-Frédérique Pellegrin // Littératures classiques. 2016. Vol. 2. No. 90. P. 165–170. О роли женщин в развитии очагов распространения учености см. также: Haase-Dubosc D. Intellectuelles, femmes d'esprit et femmes savantes au XVIIe siècle // Clio. Histoire, femmes et sociétés [En ligne]. 13 | 2001, mis en ligne le 19 juin 2006, consulté le 22 avril 2017. URL: <http://clio.revues.org/133> (дата обращения: 22.04.2017). DOI: 10.4000/clio.133*

¹⁴ *Rodis-Lewis G. Descartes et les femmes: l'exceptionnel apport de la princesse Élisabeth // Donne filosofia e cultura nel seicento. Roma, 1999. P. 155–170.*

¹⁵ *Ibid. P. 155.*

¹⁶ *Denis D. Classicisme, préciosité et galanterie // Histoire de la France littéraire. T. 2: Classicismes XVII–XVIII siècle. Paris, 2006. P. 117–130. На двух последних страницах этого синтетического обзора, заключающего в себе сводку новейших представлений о данных культурно-исторических тенденциях, приведен обширный список литературы по теме.*

Франции первой половины XVII века были нечеткими, подвижными, расплывчатыми; немаловажно и то, что, в отличие от таких понятий, как классицизм, барокко, салоны, имевших позднейшее происхождение, фигуры галантности, прециозности, либертинажа были зафиксированы в критических, литературных и философских сочинениях эпохи, не отличаясь, впрочем, семантической определенностью. Таким образом, говоря об эпистолярных романах Декарта с учеными женами, важно представлять себе, что такого рода общение не было чем-то из ряда вон выходящим: эпистолярные формы вошли в литературный канон классицизма с момента публикации «Писем» (1624) Ж.-Л. Геза де Бальзака (1597–1654), ближайшего друга автора «Рассуждения о методе», писателя-моралиста, не чуждого ни галантной, ни прециозной, ни либертинской тенденций в интеллектуальной жизни Франции первой половины XVII века.

Итак, делая выбор в пользу французского языка, Декарт не только открывает демократический путь развития философии, но и приглашает к вступлению на этот путь женщин, ищущих образования, но также культурного авторитета в условиях абсолютистского государства. Разумеется, такая историко-культурная ситуация предполагала выработку новых форм взаимоотношений между философом и образованной женщиной. В этом отношении важно сознавать, что те отношения, которые сложились у философа сначала с принцессой Елизаветой, а затем с королевой Кристиной, складывались по неким новым правилам, в которых тяга к учености, характерная для женщин эпохи, подкреплялась определенным политическим авторитетом, с которым не мог не считаться Декарт. Вместе с тем они усложнялись двумя более сложными психологически-экзистенциальными структурами, по-разному определявшими характер личных отношений мыслителя с двумя юными венценосными особами: структура «философ как врачеватель» была более значима в отношениях Декарта с Елизаветой Богемской; структура «философ как советник государя» доминировала в отношениях автора трактата «Страсти души» с Кристиной Шведской. Учитывая то, что философ завязывал эти отношения с сильными мира сего, хотя здесь последние принадлежали к слабому полу, нельзя обойти молчанием то обстоятельство, что эти связи с самого начала подразумевали определенного рода опасности и риски: философ приводил свою мысль под сень политического авторитета, неизменно чреватого той или иной формой насилия.

Вместе с тем можно еще раз подчеркнуть, что обращенность к женщинам образует то, что можно было бы назвать прагматическим аспектом текста Декарта, который соотносится, в общем и целом, с доктриной галантности великого века, представляющей собой своего рода экзистенциально-эстетическое кредо, предопределявшее собственно поэтику французского классицизма. Не что иное, как повышенное внимание к читательской аудитории и, в частности, к ученым женам, ставит автора «Рассуждения о методе» в один ряд с законодателями литературного канона или, по меньшей мере, подтверждает то культурное обстоятельство, что он не мог не разделять главной заботы писателя XVII столетия – «писать, чтобы нравиться»¹⁷. При этом необходимо подчеркнуть, что в парадоксальном почине Декарта следует видеть также знак ответственного решения мыслителя, направленного на освобождение философии от роли служанки теологии и превраще-

¹⁷ La littérature française: dynamique & histoire. T. I. Paris, 2007. P. 636–651.

ние свободной мысли в действенный инструмент участия философа в гражданской, или светской, жизни.

Разумеется, эта своеобразная «защита и прославление французского языка» в философии путем искания заступничества и покровительства среди ученых жен не являются единственным аспектом текста Декарта, в силу которого он оказывается в сфере галантной или – в более широком плане – классической литературной культуры. Тем не менее уместно будет заметить, что со временем искание прекрасной половины читателей как условия обретения истины становится своего рода личным наваждением мыслителя.

Действительно, если взглянуть на последующий путь Декарта в свете этого повышенного внимания к ученым женам, то создается впечатление, будто тот самый «злобный дух», открытую тяжбу с которым он затеял в трактате «Метафизические медитации» (1642), с течением времени все отчетливее принимал очертания своего рода «*femme fatale*». В самом деле, здесь можно вспомнить, что один из последующих трактатов философа – «Первоначала философии» (1644) – предваряло весьма вычурное посвящение молодой принцессе Елизавете, которое следовало бы рассматривать как своеобразный образец галантной литературы классического века. Эта прециозная дедикация была одним из зримых плодов негласного эпистолярного диалога философа с принцессой, который завязался в 1643 году и продолжался вплоть до смерти Декарта. Сама Елизавета, не особенно обремененная, правда, государственными обязанностями, являла собой высший тип женской учености в Европе XVII века и со временем приобрела звание «главы» европейских картезианок. Строго говоря, последнее сочинение Декарта – трактат «Страсти души» (1649) – был написан по настоятельной просьбе и при деятельном участии ученой прелестницы, боровшейся посредством философии Декарта с девичьими печальями и сомнениями, меланхолиями и ностальгиями. Вместе с тем не стоит опускать из виду того обстоятельства, что этот поворот в сторону моральной философии был обусловлен своего рода уступкой мыслителя своеобразному интеллектуальному насилию со стороны принцессы, во всяком случае, это начинание по разработке морали несколько опережало довершение собственно метафизического проекта Декарта¹⁸.

Наконец, напомним, что риторические ухищрения Декарта были направлены не только на прекрасный пол, но и на другие фигуры власти, имевшие значительный вес в культурном поле Франции 30-годов XVII века: показательно в этом отношении, что сразу после выхода «Рассуждения о методе» Декарт был назван «самым красноречивым философом» своего времени. Именно так отозвался на появление первого сочинения мыслителя

¹⁸ См. материалы международного colloquium, посвященного изучению связей Декарта и Елизаветы, где отчетливо прослеживается тенденция сменить перспективу в представлении образа принцессы, которая из «ученицы» или «музы» философа превращается в современных исследованиях в оригинального мыслителя, существенно повлиявшего на развитие моральной философии автора «Рассуждения о методе»: *Élisabeth de Bohême face à Descartes: deux philosophes?* Paris, 2014. Среди новейших исследований по этой теме отметим также две монографии, в которых эпистолярный роман Декарта и Елизаветы прочитывается в психоаналитическом ключе: *Sibony-Malpertu Y. Une liaison philosophique. Du thérapeutique entre Descartes et la princesse Élisabeth de Bohême.* Paris, 2012; *Coquard D. Une philosophie à l'épreuve du transfert. La correspondance entre Descartes et Élisabeth.* Toulouse, 2017.

Жан Шаплен (1595–1674), один из наиболее авторитетных членов Французской академии¹⁹.

Тем временем отзвуки парижской славы философа, дерзнувшего противопоставить свою философию авторитету схоластической традиции, начали разноситься по светским салонам, умственным кружкам и университетским аудиториям других европейских столиц. Словом, Декарт, вовлеченный в публичную научную жизнь преимущественно через переписку, стал едва ли не первым по-настоящему популярным философом, общения с которым искали думающие люди по всей Европе. Мыслителю, приучившему себя к тихой жизни в Голландии в отдалении от кровавых политических конфликтов и шумных теологических дискуссий, раздиравших тогда Европу, эта слава доставила как лишние тревожения, так и прекрасные мгновения, которыми были чреватые новые интеллектуальные связи, соединившие его с самыми выдающимися умами того времени.

Однако если эпистолярный диалог и интеллектуальное сотрудничество с принцессой Елизаветой действительно можно рассматривать, с одной стороны, как своеобразный образец галантной словесности XVII века, тогда как с другой, как не менее своеобразный свод философской психотерапии или даже психоанализа, то второе знакомство с венценосной особой оказалось для Декарта поистине фатальным. Речь идет, очевидно, о юной королеве Кристине, личным отношениям с которой также предшествовал непродолжительный эпистолярный роман.

Отношениям Декарта с королевой Швеции посвящено несколько добротных научных трудов, в том числе классическая работа Э. Кассирера (1874–1945), где отношения королевы и философа представлены на фоне широкой панорамы культуры французского классицизма²⁰. Однако в противовес по большей части агиографическим описаниям королевы Кристины, среди которых выделяется добротная биографическая работа Ж.-Ф. де Реймона²¹, только в самое последнее время стали появляться исторические исследования, в которых образ знаменитой государыни рассматривается в перспективе развития культуры европейского либертинажа XVII – XVIII веков²². Главной отличительной чертой ученого либертинажа является, как известно, сочетание вольнодумства, граничащего с антирелигиозностью, с более чем вольными нравами, нередко выливающимися в чувственную распущенность. В этой связи необходимо напомнить, что некоторые особенности образа жизни этой эксцентрической персоны ставили в тупик даже самых снисходительных современников:

Кристина Шведская, «шведская амазонка», но также королева-андрогин, королева-гермафродит (такие слова звучали в ее адрес) зачаровывает окружающих, поскольку она воплощает в себе абсолютно аномальную и абсолютно анормальную фигуру власти, но не потому что она женщина (в истории бывали и другие правящие королевы), а потому что она женщина,

¹⁹ См. об этом: *Cavaillé J.-P.* «Le plus éloquent philosophe des derniers temps». Les stratégies d'auteur de René Descartes // *Annales. Histoire, Sciences Sociales*. 1994. 49e année. No. 2. P. 349–367.

²⁰ *Cassirer E.* Descartes. Doctrine. Personnalité. Influence. Pars, 2008.

²¹ *Raymond J.-F. de.* La Reine et le philosophe. Descartes et Christine de Suede. Paris, 1993.

²² *Cavaillé J.-P.* Masculinité et libertinage dans la figure et les écrits de Christine de Suède // *Les Dossiers du Grihl* [En ligne]. 2010–01 | 2010, mis en ligne le 04 mars 2013, consulté le 18 avril 2017. URL: <http://dossiersgrihl.revues.org/3965> (дата обращения: 18.04.2017). DOI: 10.4000/dossiersgrihl.3965

которая выставляет напоказ сильную маскулинность, и остается, тем не менее, женщиной, потому что она сумела воплотить в себе и слабый, и сильный пол одновременно, то есть ни тот, ни другой в полной мере ²³.

Отталкиваясь от этого интеллектуального портрета, легко вообразить себе, сколь амбивалентные чувства мог испытывать Декарт, общаясь с «Северной Минервой», которой даже при отходе ко сну прислуживал мужчина и которая в ходе светских приемов могла оказывать юным девицам знаки такого высочайшего любвеобилия, что благочестивые матери влиятельных шведских семейств отказывались представлять дочерей своей государыне. Впрочем, истребовав себе в учителя философа с европейским именем, взбалмошная королева не особенно баловала наставника вниманием, посвящая львиную долю своего времени куда более важным государственным делам и галантным празднествам, к коим пыталась приобщить и Декарта: согласно одной биографической легенде, философ сочинил для Кристины стихотворное либретто балета, предназначенное для бала, устроенного королевой в честь годовщины Вестфальского мира. Как вызывающее поведение королевы, так и государственные реформы, которые она проводила и которые были направлены на умаление власти родовой аристократии, не вызывали особых восторгов при дворе, тем более что среди придворных уже поползли слухи о том, что Кристина, дерзко высмеивая протестантизм, готовится принять католичество: разумеется, приглашение ко двору философа-католика не могло не обеспокоить ортодоксальных протестантов. Словом, пригласив Декарта в Стокгольм, королева в одночасье втянула его в запутанные хитросплетения дворцовых интриг, религиозных контроверз и прочих нездоровых козней.

Подводя предварительные итоги, следует подчеркнуть, что переписка Декарта с Елизаветой и Кристиной представляет собой своеобразный образец эпистолярного жанра, получившего широкое распространение в век галантной словесности во Франции. Также она явилась оригинальным интеллектуальным инструментом, посредством которого философ мог более свободно представлять свои идеи, нежели в философских трактатах, создававшихся под знаком религиозной и схоластической цензуры. Вместе с тем в переписке Декарта с учеными женами эпистолярный жанр приобрел новые, собственно философские функции, отличавшие письма мыслителя от прециозных или галантных форм эпистолярной литературы того времени. Прежде всего, философу важно показать, что в письме он действительно мыслит, позволяя себе гораздо более свободный ход размышлений, нежели в предназначенных «педантам» опубликованных сочинениях. Кроме того, пишущий играет роль галантного остроумца, хочет блистать, произвести впечатление, отсюда некоторые почти крамольные суждения, в которых философ ставит под сомнение те истины, которые обеспечивают порядок современного мироустройства. Наконец, обязательные галантные формулы эпистолярного жанра порой способны настолько перекрывать ход мысли философа, что письмо может граничить с упражнением в прециозном пустословии: здесь перед нами возникают своего рода издержки литературной формы. Таким образом, в свете этих предварительных замечаний следовало бы обратиться к переписке Декарта с учеными женами, рассматривая эпистолярные романы философа как движущую силу в построении метода новой философии. Но это – тема для последующих работ.

²³ *Cavillé J.-P.* Masculinité et libertinage dans la figure et les écrits de Christine de Suède // Les Dossiers du Grihl [En ligne]. 2010–01 | 2010, mis en ligne le 04 mars 2013, consulté le 18 avril 2017. URL: <http://dossiersgrihl.revues.org/3965> (дата обращения: 18.04.2017). DOI: 10.4000/dossiersgrihl.3965

Dangerous liaisons: René Descartes and learned women***Sergey L. Fokin**

Saint-Petersburg state University of Economy. 4 Moskatelnaya lane, Saint-Petersburg, 191023, Russian Federation; e-mail: serge.fokine@yandex.ru

The main goal of this paper is to present a historical description of the attitude towards the reader that appeared in René Descartes' "Discours de la méthode" (1637). In his famous writing, Descartes appealed to learned women together with the doctors of Sorbonne and other intellectuals. Following the method of the "history of ideas", which assumes a particular attention to the cultural context of the studied period, the author reveals the connections that existed between Descartes and a number of literary institutions of the first half of the 17th century – from the French Academy, whose duty was to regulate the "noble use" of the French language, to various literary salons, which established the canons of a "proper taste". We note that Descartes indulged the well-known weaknesses of the fair sex, namely a developed taste for fine arts and liberal arts, which became widespread in the so-called salon culture, *préciosité* literature and the gallant literary life of the 18th century France. The paper argues that the female orientation constitutes a pragmatic aspect of this writing of Descartes' and echoes the doctrine of gallantry of the Great century, a sort of existential and aesthetic credo, which predetermined the poetry of the French classicism. It is the attention that the author of "Discours de la méthode" paid to the reading audience in general and to learned women in particular that places him among the arbiters of the literary canon of his age. This attention is also a confirmation that "to write to be liked" was one of the goals that Descartes, like many other authors of the 18th century, tried to achieve. In exploring Descartes' circle of learned women, the author puts special emphasis on his correspondence, which presents a peculiar example of the epistolary genre, widespread during the era and characterized by the gallant language and the use of original linguistic tools to present his ideas more freely than he did in philosophical treatises created under religious and scholastic censorship. The author thus shows that the letters written by Descartes form a precious corpus of biographical and historical material, crucial for the interpretation of his main *œuvres*. These letters are presented as an essential literary tool that Descartes used in his philosophical thinking.

Keywords: XVIIth century French literature, gallant literature, *préciosité* culture, René Descartes, epistolary genre

For citation: Fokin, S. L. "Rene Dekart i uchenye zheny: opasnye svyazi" [Dangerous liaisons: René Descartes and learned women], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2019, Vol. 12, No. 2, pp. 103–116. (In Russian)

Список литературы / References

Azouvi, F. *Descartes et la France. Histoire d'une passion nationale*. Paris: Fayard, 2002. 400 pp.

Badiou, A. "De la langue française comme évidemment", *Vocabulaire européen des philosophies*, éd. de B. Cassin. Paris: Seuil; Le Robert, 2004, pp. 465–473.

Bailliet, A. *Vie de Monsieur Descartes*, T. 2. Hildesheim; New York: Olms Verlag, 1972. 300 pp.

* The article has been prepared for publication with financial support from the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), the Project "Rene Descartes and moral philosophy: metaphysics, politics, theology and ethics in correspondence of the philosopher with Princess Elizabeth of Bohemia, Queen Christina of Sweden and several contemporaries".

Cassirer, E. *Descartes. Doctrine. Personnalité. Influence*, trad. par Ph. Guilbert. Paris: Serf, 2008. 199 pp.

Brunot, F. *Histoire de la langue française, des origines à nos jours*, T. 3. Paris: Arman Colin, 1966. 468 pp.

Cavaillé, J.-P. “Le plus éloquent philosophe des derniers temps. Les stratégies d’auteur de René Descartes”, *Annales. Histoire, Sciences Sociales*, 1994, 49e année, No. 2, pp. 349–367.

Cavaillé, J.-P. “Masculinité et libertinage dans la figure et les écrits de Christine de Suède”, *Les Dossiers du Grihl* [En ligne], 2010–01 | 2010, mis en ligne le 04 mars 2013, consulté le 18 avril 2017 [<http://dossiersgrihl.revues.org/3965>, accessed on 18.04.2017]. DOI: 10.4000/dossiersgrihl.3965

Coquard, D. *Une philosophie à l’épreuve du transfert. La correspondance entre Descartes et Élisabeth*. Toulouse: Les Presses universitaires du Midi, 2017. 304 pp.

Denis, D. “Classicisme, préciosité et galanterie”, *Histoire de la France littéraire*, T. 2: Classicismes XVII–XVIII siècle, dir. par J.-Ch. Darmon et M. Delon. Paris: PUF, 2006, pp. 117–130.

Derrida, J. “S’il y a lieu du traduire. La philosophie dans sa langue nationale (vers une «litterature en français»)”, in: J. Derrida, *Du droit la philosophie*. Paris: Galillé, 1990, pp. 283–310.

Derrida, J. “Les romans de Descartes ou l’économie des mots”, in: J. Derrida, *Du droit à la philosophie*. Paris: Galillé, 1990, pp. 311–342.

Descartes, R. *Œuvres complètes*, T. VIII: Correspondance 1, éd. par J.-R. Armogathe. Paris: Gallimard, 2013. 1178 pp.

Descartes, R. *Œuvres complètes*, T. III: Discours de la méthode et Essais, sous la dir. de J.-M. Beysade et D. Kambouchner. Paris: Gallimard, 2009. 816 pp.

Haase-Dubosc, D. “Intellectuelles, femmes d’esprit et femmes savantes au XVIIe siècle”, *Clio. Histoire, femmes et sociétés* [En ligne], 13 | 2001, mis en ligne le 19 juin 2006, consulté le 22 avril 2017 [<http://clio.revues.org/133>, accessed on 22.04.2017]. DOI: 10.4000/clio.133

Hildesheimer, F. *Monsieur Descartes ou La Fable de la Raison*. Paris: Flammarion, 2010. 511 pp.

Kolesnik-Antoine, D. et Pelegrin, M.-F. (dir.) *Élisabeth de Bohême face à Descartes: deux philosophes?* Paris: Vrin, 2014. 216 pp.

Magnard, P. “La langue de la philosophie, du latin au français”, *Philosopher en français*, éd. de J.-F. Mattéi. Paris: PUF, 2001, pp. 283–296.

Murray, T. “L’Académie française”, *De la littérature française*, éd. de D. Hollier. Paris: Bordas, 1993, pp. 259–264.

Pellegrin, M.-F. et Lotterie, F. “Le cartésianisme est-il un féminisme? Autour de Poullain de La Barre. Entretien avec Marie-Frédérique Pellegrin”, *Littératures classiques*, 2016, Vol. 2, No. 90, pp. 165–170.

Raymond, J.-F. de. *La Reine et le philosophe. Descartes et Christine de Suede*. Paris: Lettres Modernes, 1993. 167 pp.

Rodis-Lewis, G. “Descartes et les femmes: l’exceptionnel apport de la princesse Élisabeth”, *Donne filosofia e cultura nel seicento*, a cura di P. Totaro. Roma: Consiglio nazionale delle ricerche, 1999, pp. 155–170.

Sibony-Malpertu, Y. *Une liason philosophique. Du thérapeutique entre Descartes et la princesse Élisabeth de Bohême*. Paris: Stock, 2012. 276 pp.

Tadié, J.-Y. (dir.) *La littérature française: dynamique & histoire*, T. I. Paris: Gallimard, 2007. 768 pp.

Timmermans, L. *L’Accès des femmes à la culture sous l’ancien régime*. Paris: Honoré Champion, 2005. 970 pp.

Valéry, P. “Une vue de Descartes”, in: P. Valéry, *Œuvres complètes*, T. 1, éd. de J. Hytier. Paris: Gallimard, 1957, pp. 810–842.